

Редьярд Киплинг

Барабанщики «Передового и Тыльного»

*Часть сборника
Индийские рассказы (сборник)*

Редьярд Киплинг

Барабанщики
«Передового и Тыльного»

«Public Domain»

1888

Киплинг Р. Д.

Барабанщики «Передового и Тыльного» / Р. Д. Киплинг —
«Public Domain», 1888

«В армейском списке этот полк все ещё значился как „Передовой и прикомандированный к собственной королевской лёгкой пехоте принцессы Гогенцоллерн-Сигмаринген-Ауспах-Мертир-Тайдфильшайрской, полкового округа 329А“, но армия по всем своим трактирам и казармам звала его просто „Передовым и Тыльным“. Может быть, со временем люди этого полка сделают ещё это прозвище почётным, но теперь они считают его позорным, и человек, назвавший так полк при них, рискует поплатиться собственными боками...»

© Киплинг Р. Д., 1888

© Public Domain, 1888

Редьярд Джозеф Киплинг

Барабанщики «Передового и Тыльного»

В армейском списке этот полк все ещё значился как «Передовой и прикомандированный к собственной королевской лёгкой пехоте принцессы Гогенцоллерн-Сигмаринген-Ауспах-Мертир-Тайдфильшайрской, полкового округа 329А», но армия по всем своим трактирам и казармам звала его просто «Передовым и Тыльным». Может быть, со временем люди этого полка сделают ещё это прозвище почётным, но теперь они считают его позорным, и человек, назвавший так полк при них, рискует поплатиться собственными боками.

Если уж малейший намёк на оскорбление, произнесённый едва слышным шёпотом в конюшнях такого полка, мог вызвать его солдат на улицу с щётками, швабрами и невообразимой руганью, то на прозвище «Передовой и Тыльный» они все могли ответить винтовками.

Единственное, что их оправдывает, это то, что они вернулись назад и дали отпор врагу штыками. И все-таки всем кругом было известно, что они были разбиты, испугались и постыдно бежали. Это знают солдаты, знает конная гвардия и будет знать враг в ближайшей войне. Есть два-три таких полка, имеющих тёмные пятна на своей репутации; они жаждут смыть эти пятна, и не поздоровится тем, за чей счёт будет восстановлено доброе имя.

Мужество британского солдата официально предполагается безукоризненным, и, как общее правило, оно, действительно, таково. Исключения тщательно затушёвываются и только изредка обнаруживаются в неосторожном полуночном разговоре за офицерским столом. В этих случаях можно услышать и не такие странные и ужасные истории. Здесь могут рассказать, например, о солдатах, отказавшихся следовать за своими офицерами, или о распоряжениях, данных людьми, не имеющими на то никакого права и посрамлёнными, в конце концов, к вящей славе британской армии. Такие истории невесело слушать, и офицеры рассказывают их друг другу на ухо, сидя у пылающего камина, а молодые офицеры низко опускают головы и думают про себя, что, Бог даст, их солдаты никогда не поступят подобным образом.

Конечно, британский солдат в массе не может отвечать за случайные оплошности единиц, хотя руководствоваться таким соображением он и не должен. Если среднего ума генерал потратит не меньше шести месяцев, чтобы овладеть силами войска, которое поведёт на войну, если любой полковник может ошибиться в оценке боеспособности своего полка после трехмесячного командования им и если даже простой командир роты может запутаться в тех или иных распоряжениях, отдаваемых горсти своих солдат, так как же можно осуждать за какой-либо промах солдата, и особенно солдата нынешнего времени? Он может быть потом расстрелян или повешен, чтобы другим неповадно было, но говорить об этом нужно с большим тактом и спустя много времени.

Скажем, например, солдат был на службе четыре года. Ещё через два года он уйдёт уже в отставку. Он не унаследовал соответствующей морали, четыре года недостаточны даже для укрепления его мускулов, а уж не только для того, чтобы внедрить ему понятие о значении чести полка. Он любит выпить, насладиться благами жизни – в Индии хочет скопить денег, – и ему вовсе не улыбается быть раненым или искалеченным. Он воспитан ровно настолько, чтобы понять половину значения получаемых распоряжений или отличить рану огнестрельную от резаной или рваной. Но если роте прикажут развернуться под неприятельским огнём в ожидании атаки, солдат будет знать, что подвергается большому риску, и постарается выиграть минут десять времени на размышления. Рота может развернуться с отчаянной быстротой, или запутаться, или разделиться, в зависимости от дисциплины, к какой привык солдат за четыре года службы.

Вооружённый недостаточными знаниями, наделённый, на своё горе, кое-каким воображением, скованный предрассудками и обострённым самолюбием, человек простого зва-

ния, подчас отверженный полковой компанией, молодой солдат встречается с восточным врагом, всегда безобразным, громадным, волосатым и дико испуганным. Если он, оглядываясь направо и налево, видит около себя старых солдат, служивших уже лет по двенадцати, с уверенностью и без излишней суеты исполняющих своё дело, он успокаивается и бодро идёт на врага – плечом к плечу с ними. И бодрость окончательно овладевает его духом, когда он слышит шёпот своего командира, который учил его и кормил его при случае зуботычинами: «Пусть поорут и побеснуются ещё минут пять, а как подойдут к нам, мы их и возьмём за шиворот».

Но тот же солдат – несчастный человек, когда видит вокруг себя только своих сверстников по службе, бледнеющих, трясущимися руками ощупывающих собачку ружья и шепчущих: «Что нам теперь делать, погибли мы!» А командир в это время, обливаясь потом, сжимает рукоятку сабли и кричит без памяти: «Стройся в ряды! Целься! Стройся ровнее!.. Ложись на землю!» Потом опять – «Стройся! Целься!» И так далее без всякого толку. И совсем уж погибнет он, когда услышит, как рухнет рядом с ним товарищ, как зарезанный бык, с рёвом и с лязгом железной кочерги. Если бы ещё он мог видеть действие своего выстрела на врага, ему было бы веселее и, может быть, тогда разгорелась бы в нем та слепая страсть к битве, которая, вопреки всеобщему убеждению, управляется хладнокровным дьяволом и разжигает людей, как лихорадка. Если же этого нет, и он начинает ощущать холод под ложечкой, да ещё если его в таком состоянии нещадно бьют, и он слышит команду, какой раньше не слышал, он приходит в смятение и расстраивает ряды. И нет ничего ужаснее на свете расстроенного британского полка. Когда дело с каждой минутой становится все хуже и хуже, когда паника растёт и превращается в эпидемию, люди бегут врассыпную, и командиру приходится искать спасения во вражеском лагере. Зато, если солдат удастся вернуть, плохо придётся тому, кто с ними встретится, потому что они не рассыпятся уже вторично.

Лет через тридцать, когда нам удастся воспитать хотя наполовину всех, кто носит панталоны, наша армия будет великолепной, несокрушимой машиной. Ещё через некоторое время, когда солдаты сравняются по развитию с нынешними офицерами, они перевернут землю. Грубо говоря, с работой мясника на войне одинаково может справиться и негодяй и джентльмен, а лучше всего, если негодяй будет состоять под командой джентльмена. Идеальный солдат, без сомнения, будет руководствоваться тем, что говорится в его карманной книжке. К сожалению, чтобы достигнуть этой добродетели, солдат должен пройти через фазу размышления о себе, а это плохой путь. Негодяй не особенно способен размышлять о себе, но отлично сумеет убить, и небольшая муштровка приучит его беречь собственную шкуру и распарывать чужую. Вместе с тем, сильный и богомольный, полк горцев, с целым рядом офицеров-пресвитерианцев, может потерпеть гораздо большую неудачу, нежели тысяча ирландских разбойников, предводительствуемых молодыми головорезами и безбожниками. Но такие исключения подтверждают правило, гласящее, что нельзя доверять только средним людям. У них есть представления о ценности жизни, а воспитание приучило их идти вперёд и пользоваться успехом. Их офицеры хороши настолько, насколько могут быть такими, принимая во внимание, что их тренировка начинается рано, и что Господь Бог дал британским юношам среднего класса здоровый спинной хребет, здоровые мозги и такие же внутренности. Поэтому детина в восемнадцать лет хотя и не знает, что делать с мечом в руке, но исправно наслаждается биением сердца в груди, пока оно там работает. Если ему приходится умирать, он умирает джентльменом. Если он остаётся в живых, он пишет домой, что был «искрошен», «иссечён», «изрезан», и осаждает правительство просьбами о пособиях за раны, пока новая небольшая стычка с неприятелями не оторвёт его от этого занятия и не вышлет ещё раз на фронт после того, как он успел уже дать ложную клятву в медицинском департаменте, подольститься к своему полковнику и обойти его адъютанта.

Все эти благочестивые размышления привели меня на память двоих бесенят, самых отчаянных из всех когда-либо бывших в барабан или игравших на флейте перед британским пол-

ком. Они кончили свою греховную карьеру открытым и бурным проявлением храбрости и были убиты за это. Звали их Джекин и Лью – Пигги Лью – и были они наглые, испорченные мальчишки-барабанщики, частенько подвергавшиеся порке тамбур-мажором «Передового и Тыльного».

Джекин был хилый мальчуган лет четырнадцати, Лью – приблизительно такого же возраста. Оба курили и пили, когда за ними не смотрели. Они ругались, как принято ругаться в казармах, – хладнокровно и цинично, сквозь стиснутые зубы, и дрались аккуратно каждую неделю. Джекин выскочил из лондонских канав и неизвестно, прошёл или нет через руки доктора Бернардо, прежде чем приобрёл звание ротного барабанщика. Лью не мог ничего вспомнить, кроме разных ротных и полковых впечатлений из самого раннего своего детства. В глубоких тайниках своей маленькой, испорченной души он носил прирождённую любовь к музыке и обладал, по злой насмешке судьбы, внешностью херувима. Последнее обстоятельство привлекало к нему внимание прекрасных дам, посещавших полковую церковь и называвших его «милашкой». Они не слыхали купоросных замечаний, какие отпускал он по их адресу, возвращаясь с ротой в казарму и вынашивая новые планы возмездия Джекину.

Другие юные барабанщики ненавидели обоих мальчуганов за их нелепое поведение. Джекин мог быть исколочен Лью, или Лью мог затолкать голову Джекина в грязь, но малейшее заступничество со стороны, даже в защиту того или другого, вызывало дружный отпор обоих, кончавшийся всегда печально для вступившегося. Мальчики были Измаилами в роте, но Измаилами богатыми, так как они дрались на потеху всей роты, когда не были натравлены на других барабанщиков, и получали за это деньги.

В тот замечательный день в лагере был раздор. Они были только что обличены в курении, которое вредно для мальчиков их возраста, особенно когда они курят крепкий дешёвый табак. Лью упрекал Джекина в том, что «он подло спрятал в карман трубку», так что он, Лью, отвечал и был высечен один за то, в чем были виноваты оба.

– Я говорю тебе, что забыл свою трубку в казарме, – сказал Джекин примирительным тоном.

– Ты отменный лгун, – сказал Лью хладнокровно.

– А ты отменный ублюдок, – сказал Джекин, вполне осведомлённый о том, что его родители никому не известны.

В самом объёмистом казарменном словаре это единственное слово, которое никогда и никому не спускается. Вы можете назвать человека вором и ничем не рисковать при этом. Вы можете назвать его даже трусом и получите только сапогом в ухо, но если вы назовёте человека ублюдком, то уж готовьтесь к тому, что он выбьет вам сапогом зубы.

– Сказал бы ты это тогда, когда я был здоров, – мрачно произнёс Лью, осторожно обходя Джекина.

– Я сделаю тебе ещё больше, – неожиданно выпалил Джекин и влепил здоровый удар в алебастровый лоб Лью.

Все кончилось бы благополучно в этой истории, как говорится в книгах, если бы злой рок не принёс сюда сына базарного сержанта, долгоязого, двадцатипятилетнего бездельника. Он всегда нуждался в деньгах и знал, что у мальчиков водится серебро.

– Ну-ка, подеритесь ещё, – сказал он. – Я донесу на вас отца, а он пожалуется тамбур-мажору.

– Что тебе нужно? – спросил Джекин, зловеще раздувая ноздри.

– Ого? Мне – ничего. Вы опять собираетесь драться и знаете, что вам и так уж много раз спускали.

– От какого дьявола знаешь ты, что мы собираемся делать? – спросил Лью. – Ты даже и не в армии, презренный штафирка!

Он встал у левого бока пришедшего.

– Да нечего тебе совать свой длинный нос в чужие дела джентльменов, которые решают свой спор кулаками. Ступай-ка лучше, пока цел, к своей шлюхе Ма, – сказал Джекин, становясь с другого бока.

Пришедший попытался ответить мальчуганам, стукнув их головами. План мог бы удался, если бы Джекин не ударил его с яростью в живот, а Лью под колени. Все трое дрались с полчаса, задыхаясь и обливаясь кровью. Наконец мальчуганам удалось опрокинуть противника на землю, и они с торжеством накинулись на него, как терьеры на шакала.

– погоди, – хрипел Джекин, – теперь я тебе покажу! – Он продолжал молотить противника по лицу, в то время как Лью усердно дубасил по всему телу. Рыцарство не в ходу у юных барабанщиков. Они поступают по примеру старших и дерутся, оставляя здоровые синяки.

Страшен был вид пострадавшего, когда ему удалось наконец освободиться, и не менее страшен был гнев базарного сержанта. Ужасна была и сцена в дежурной комнате, когда явились туда к ответу оба нечестивца, обвиняемые в том, что до полусмерти избили «штатского». Базарный сержант жаждал преувеличить картину преступления, и его сын лгал. Мальчиков допрашивали, и чёрные тучи сгустились над ними.

– Вы, маленькие дьяволята, доставляете мне больше хлопот, чем весь полк, взятый вместе, – сердито сказал полковник. – Что я с вами буду делать? Увещевания на вас не действуют, в тюрьму или под арест вас не засадишь, только и остаётся опять выпороть!

– Прошу прощения, сэр. Не можем ли мы сказать несколько слов в нашу защиту, сэр? – пропищал Джекин.

– Это что ещё? Не желаешь ли ты также и со мной подраться? – спросил полковник.

– Нет, сэр, – ответил Лью. – Но если к вам приходит человек, сэр, и объявляет, что идёт донести на вас за то, что вы крошечку повздорили с вашим другом, сэр, и хочет содрать с вас денег, сэр...

Дежурная комната огласилась взрывом хохота.

– Ну?... – сказал полковник.

– А так хотел сделать этот господин, с прыщами на лице, сэр. И мы только не хотели допустить, чтобы он это сделал, сэр. Мы немного поколотили его, сэр. Но ему не нужно было вмешиваться в наши дела, сэр. Мне не хотелось быть выпоротым тамбур-мажором, сэр, не хотелось, чтобы на меня доносил какой-нибудь капрал, но я... я думаю, сэр, что некрасиво, сэр, когда приходит штатский и разговаривает таким образом с военным человеком, сэр.

Новый взрыв хохота огласил дежурную комнату, но полковник оставался серьёзным.

– Какого поведения вообще эти мальчишки? – спросил он полкового сержанта.

– Капельмейстер, сэр, – единственный человек в полку, которого они боятся, – говорит, что они могут сделать все, но никогда не солгут.

– Неужели мы пошли бы на обман из-за такого человека, сэр? – сказал Лью, указывая на пострадавшего.

– Ну, хорошо, убирайтесь вон, – раздражённо сказал полковник, и, когда мальчишки вышли, он отчитал сына базарного сержанта за то, что он вмешивается не в своё дело, и приказал капельмейстеру держать поостроже барабанщиков.

– Если ещё который-нибудь из вас придёт ко мне на ученье с такой разукрашенной мордой, – заорал капельмейстер, – я прикажу тамбур-мажору содрать шкуру с вас обоих! Поняли, бесенята?

Но он тотчас же поспешил смягчить свою угрозу, как только Лью, похожий на серафима с опущенными крыльями, подошёл к трубе и огласил окрестность боевой мелодией. Лью был, действительно, музыкант и часто в самые трудные минуты жизни изливал свои чувства при помощи любого инструмента в оркестре.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.